

Гавриков В.А. Неклассические способы создания смысловой многомерности в современной поэзии // Русское литературоведение на современном этапе. Московский государственный открытый педагогический университет. Москва, 2006.

Неклассические способы создания смысловой многомерности в современной поэзии (на примере омофонов в творчестве Александра Башлачёва)

Учёные, занимающиеся исследованием наследия «поющих поэтов», сталкиваются с рядом проблем, главной из которых нам (и не только нам) видится в несочетаемости лингвистических инструментов исследования с особыми «нелингвистическими» компонентами материала: «Проблема здесь не только в отсутствии у литературоведения адекватного инструментария для анализа синтетического текста; <...> останется вопрос о том, в чем состоит принципиальная новизна русского рока как одного из явлений этой культуры, его специфика в ряду других феноменов современного искусства (в том числе синтетического)»ⁱ. В нижеследующей работе нам хочется добавить маленький «штрих» не к решению масштабной проблемы создания методики изучения рок-поэзии, а именно к специфике рок-материала, что, в свою очередь, может стать (выражаясь образно) ещё одним осколком собираемой исследователями рок-мозаикиⁱⁱ.

Рок-авторы (как, впрочем, и другие поющие поэты) коммуницируют с реципиентом посредством слова звучащего, а не слова печатного. И несмотря на то, что в последнее время в печати всё больше выходит антологий рок-поэзии, изначально рок-тексты были и остаются ориентированы на восприятие в звуковой форме. Очевидно, что «пропетое» слово не равно написанному, отсюда и возникает возможность «играть» семантикой звукообраза. Благодаря подобной игре становится возможным создание специфической звуковой полисемии на уровне омофонов. Этот прием особенно часто использовал в своих песнях один из талантливейших рок-поэтов Александр Башлачёв. Но прежде чем анализировать данное явление на конкретных примерах, выскажем несколько мыслей теоретического характера.

Известно, что омофония "охватывает все виды единозвучий или созвучий - и в целых конструкциях, и в сцеплениях слов или их частей, в отдельных отрезках речи, в отдельных морфемах, даже в смежных звукосочетаниях"ⁱⁱⁱ. Все эти единозвучия были интересны для Башлачева. Поэтому в его произведениях омофоничными могут являться не только изолированные лексемы, но группы слов речевого ряда. И хотя Виноградов призывает не выделять внутри омофонов подгруппы^{iv}, в данной работе мы все-таки разграничим два типа

башлачевской омофонии, а это: синтагматическая и собственно омофония. Вначале рассмотрим примеры, относящиеся к омофонии синтагматической: "В чистом поле - дожди косые. // Эх, нищета, за душой ни копыя!" (песня «В чистом поле - дожди»)⁵. Трактовка подчёркнутого отрывка кажется однозначной, и во всех печатных источниках данная цитата отображается именно в таком виде. Однако приведём строки из последнего четверостишия: "В чистом поле - дожди косые. // А мне не нужно ни щита, ни копыя". В контексте второго отрывка подчёркнутая строка первого приобретает совсем иное звучание: «Эх, ни щита за душой, ни копыя!» вместо: «Эх, нищета, за душой ни копыя!». Здесь Башлачёв обыгрывает две коннотативно связанные лексемы: с одной стороны «нищета» и «ни копыя» (общая сема - бедность), с другой – «щит» и «копыё» (общая сема: предметы для боя). Другой пример синтагматико-звуковой игры мы находим в песне «Имя Имён»: «И куполам не накинуть на Имя Имён золотую горящую шапку». Подчеркнутые лексемы в произносительном ряду можно воспринять следующим образом: «И купола мне накинуть на Имя Имён». Понятно, что данное сочетание может быть просто звуковым совпадением, однако и возможность авторского замысла в данном случае исключать не стоит. И еще один пример синтагматической омофонии: «И погладишь в небе свою заново рожденную звезду», где подчёркнутая фраза может быть прочитана как нечто единое: «зановорожденная» (параллель с лексемой «новорожденный»). Похожий пример мы находим и у С. Свиридова. Он пишет о том, что в цитате: "В третьей роте без крайней плоти безымянный поет петух" сочетание "без крайней плоти" может быть прочитано как "бескрайней плоти"⁶.

В "добашлачевской" поэзии обращение к синтаксическим единозвучиям заключалось, как правило, в составной рифмовке: «по калачу - поколочу» (Пушкин); «стремя – с тремя» (Маяковский); «поступью – по сто пью» (Высоцкий). Иногда подобное звуковое совпадение было использовано и не в качестве рифмы, например, у Цветаевой находим: «Уходишь совсем. Уходишь со всем». Самое важное отличие омофонии в рок-поэзии от использования созвучий в русской поэтической традиции прошлого заключается в том, что в роке, как правило, не присутствует параллельных рядов – словоупотребление омофона однократно. В печатной же поэзии обязательно столкновение единозвучий посредством употребления обоих вариантов.

Второй тип звуковой игры в творчестве Башлачёва - использование собственно омофонов. Например, песня «Посошок»: "Эх, налеп посошок, да зашей мой мешок - // На строку - по стежку, а на слова - по два шва". «По стежку» фонетически эквивалентно «по стишку». К тому же в науке стих - это термин, обозначающий строку (поэтому и «на строку по стишку»), а «строка» – слово, в одном из значений, имеющее сему «шитьё» (как и стежок). Таким образом, не только звуковая идентичность, но и семантические особенности

двух омофоничных вариантов создают потенциал для смысловой многомерности. Как же доказать возможность (и даже намеренность) употребления данных омофонических вариантов? Всё очень просто: «при омофонии смещения в строении языковых планов выравниваются путем привлечения дополнительного аппарата дифференциации»^{vii}. Таким дополнительным аппаратом дифференциации у Башлачева является контекст. Прочтение как одного, так и второго «письменного» варианта в двух семантических потенциалах создает своеобразную парадигму аутентичных поэтических значений. Другой пример омофонии встречается в песне «Перекур»: «Кто-то зевнул, отвернулся и разом уснул, разум уснул, и поэтому враз развязалось». В фонограммах довольно трудно идентифицировать подчеркнутые лексемы, однако рискнем отобразить цитату на бумаге именно в представленном виде. А доказать это можно с привлечением всё того же контекста: во-первых, автор дважды обращается к звукообразу [раз?м] (именно сталкивая две лексемы), во-вторых, в языковом узусе существует близкое к идиоматическому выражение «сон разума» (подтверждение варианта «разум»), в-третьих, цитаты «разом уснул» и «враз развязалось» имеют не только общее значение быстрого однократного действия, но и содержат однокоренные слова «враз» и «разом» (доказательства варианта «разом»). Скрытая омофония есть и в песне «Имя Имён»: «Шабаш! Всей гурьбою на башню!» Для нашего исследования интересна подчеркнутая лексема «шабаш». С одной стороны она может быть рассмотрена как междометие, а с другой – как просторечный глагол в повелительном наклонении: «Шабаш!» Тогда в первом случае семантика фразы будет: «Спасайтесь!», во втором она приобретает значение примерно эквивалентное «Эй, ухнем!»

Итак, рассмотрев на примерах звуковую игру в творчестве Башлачёва, мы можем сделать вывод, что в некоторых своих текстах поэт использует синтагматические омофоны и собственно омофоны. Таким образом, поле живого звука для Башлачёва является пространством для поэтических экспериментов, для создания смысловой многослойности, для углубления поэтической перспективы.

ⁱ Козицкая Е.А. Субъязыки и субкультуры русского рока. // Русская рок-поэзия. Текст и контекст 5. Тверь, 2001. С. 170.

ⁱⁱ Наше небольшое исследование может быть интересно и в плане адекватной «бумагизации» рок-текста (подробнее об этом – Доманский Ю.В. Русская рок-поэзия: вопросы текстологии и издательская практика. // Русская рок-поэзия. Текст и контекст 6. Тверь, 2002).

ⁱⁱⁱ Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. - 1960. - №5. - С. 4.

^{iv} Там же.

^v Здесь и далее цитирование нами осуществляется на основе фонограмм (ясно, что говорить об омофонах в печатном варианте звучащего текста было бы нелогично).

^{vi} Свиридов С.В. Имя Имен: концепция слова в поэзии А.Башлачева. // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2. Тверь, 1999.

^{vii} Языкознание: формы существования, функции, история языка: «Наука», М.:1970. С. 193.